

ИОАНН ПАВЕЛ II

ПАМЯТЬ
И
ИДЕНТИЧНОСТЬ

С ВВЕДЕНИЕМ
ЙОЗЕФА РАТЦИНГЕРА
ПАПЫ БЕНЕДИКТА XVI

Иоанн Павел II

Память и идентичность

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34750766
ISBN 5-89208-064-1

Аннотация

«В этой книге представлены размышления Иоанна Павла II о некоторых основополагающих переживаниях его жизни. Этот труд позволяет нам взглянуть на его духовную биографию...»

Содержание

Введение	5
Предисловие к итальянскому изданию	16
Предел, положенный злу	20
1	20
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Кардинал Йозеф
Ратцингер,
Папа Бенедикт XVI
Память и идентичность**

© 2005 Libreria Editrice Vaticana, Città del Vaticano

© 2005 RCS Libri S.p.A., Milano

© для русского издания – Издательство Францисканцев

2007

Введение

В этой книге представлены размышления Иоанна Павла II о некоторых основополагающих переживаниях его жизни. Этот труд позволяет нам взглянуть на его духовную биографию.

Первая среди обсуждаемых проблем – вопрос существования зла. Польше хорошо знакомо действие зла в годы войны, нацистской оккупации. Угнетение поработенной и растоптанной Отчизны стало также и личным переживанием Святого Отца: закрытие университета, арест преподавателей, невозможность продолжать обучение, тяжелая работа на химической фабрике, подпольное изучение философии и богословия, постоянная опасность для жизни.

Наступившее затем освобождение очень быстро сменяется периодом нового гнета. Коммунистическая диктатура пытается унифицировать мышление и препятствует жизнедеятельности Церкви всякого рода притеснениями.

Неизбежно рождается вопрос: откуда такая сила у зла? Откуда зло приходит, и что мы должны сделать, чтобы его победить? Первые ответы на эти вопросы Иоанну Павлу II дает христианская вера и философская традиция, затем он формулирует и свои собственные ответы, углубленные на основе личного опыта веры. Традиционные слова веры становятся, таким образом, не просто объективными, но и экзи-

стенциальными ответами, подтвержденными и пережитыми в собственной плоти. Откуда же берется зло? Это очень характерный для людей вопрос, наш общий вопрос. Вера говорит нам: зло началось с первородного греха. Загадочный ответ, таинственный, но в то же время подтвержденный нашим собственным опытом. Мы знаем, что негативные факторы представляют угрозу нашему существованию, более того, существованию всей вселенной. Да, конечно, ответ остается таинственным. Но он дает нам одно понятие, которое помогает нам противостоять злу, а именно, что зло не присуще человеку, оно не часть его природы; оно приходит в результате свободного выбора. От той первоначальной воли, которая сделала порочной и вовлекла во зло всю историю, происходят все остальные воли. Таким образом, необходимо просветить волю, или лучше, просветить разум, чтобы он осветил и направил волю. А воле необходимо, прежде всего, дать силу, чтобы она выбрала добро и могла устоять перед злом.

Итак, здесь появляется первое фундаментальное заключение: зло имеет строго ограниченные рамки, оно не неизбежно. Здесь необходимо перейти к следующему размышлению, проистекающему из доктрины сотворения и осмысленному христианской философской традицией: вера в Бога – Творца всего сущего – подразумевает, что бытие как таковое является благом, потому что исходит от благого Творца. Материя бытия, если можно так сказать, является благой; из

этого следует, что зло не принадлежит бытию, не является врожденным. В христианской традиции зло является только отрицательным элементом, оно как паразит, питающийся бытием и им живущий, но оно не может существовать и действовать без добра, оно существует и действует только как сила отрицания. Это мощная сила, мы видим это, но все же она имеет свои пределы. Зло не бесконечно, зло имеет временные и онтологические ограничения.

Иоанн Павел II решительно подчеркивает эту истину. Временное ограничение двух диктатур прошедшего века уже принадлежит истории, но это только следствие глубинной ограниченности сил зла. Предел зла – это, в конечном счете, сила Самого Бога, и это подтверждается изначально благим бытием. Кто верит в Творца, не может быть окончательно уstraшен злом.

Вера – это упование, она придает человеку смелость. Иоанн Павел II подчеркивает много раз в своей книге другое последствие такого видения: зло может также превращаться в инструмент добра, силы добра могут возрастать в борьбе со злом. В эпилоге, где Папа говорит о покушении, мы находим, возможно, наиболее сильное выражение возможности преобразования зла в добро. Мы видим, как Святой Отец во-брал в себя мысль веры настолько, что она стала реальным опытом его собственной жизни. Он пишет следующее: «Искупление продолжается. Там, где возрастает зло, возрастает и надежда на добро. В наше время зло развилось безмерно,

пользуясь делами порочных систем, которые широко используют насилие и произвол. [...] Это было широкомасштабное зло [...]. В то же время Божественная благодать изливалась со все большим изобилием. Нет такого зла, из которого Бог не мог бы извлечь еще большего блага. Нет страдания, которое Он не смог бы превратить в путь, ведущий к Нему». Вера в Творца, и как следствие, онтология мысли, просвещенной верой, становится в этот момент экзистенциальной философией. Онтология становится объяснением нашей жизни. Но и это еще не полнота христианской мысли в размышлениях Иоанна Павла II.

Онтология творения не остается в области философских спекуляций, но входит в сферу времени и жизни. В любом случае она не касается пока сферы истории. Благо, как говорит вера в творение, является присутствующим и действующим в бытии. Но как оно входит в историю? Как оно входит в эту подвергшуюся пороку человеческую волю, которая почти сотворила второе измерение бытия, или, как говорит Паскаль, «une seconde nature» («вторую натуру»)? Вот вопрос. Как входит в историю это благо бытия, как взаимодействует с самим бытием? Естественно, и на этот вопрос фундаментальный ответ Папа получает от христианской веры; и здесь мы видим, как в мысли Иоанна Павла II вера Церкви становится ответом в жизни и о жизни. Вопрос понятия того, как сила Блага Бога входит в историю, становится частью истории, и становится теми невидимыми дрожжами, которые

потом проникают зло изнутри, преобразая его.

Первая часть ответа очевидна: добро входит определенным образом в историю в момент воплощения Сына Божьего. Здесь бытие Самого Бога, абсолютного Блага, входит в ткань истории. Творец становится Творением. Этот онтологический шаг становится необходимым историческим действием в жизни Иисуса. В запятнанную высокомерием и эгоизмом волю каждого человека входит, таким образом, другая воля, не скомпрометированная ничем. Смирение воплощения – это истинно радикальный контраст гордыне, ставшей для человека второй натурой. Иоанн Павел II противопоставляет эти две воли словами святого Августина: «*Amor sui usque ad contemptum Dei, amor Dei usque ad contemptum sui*» («Любовь к себе вплоть до презрения к Богу, любовь к Богу вплоть до презрения к себе»). Эта новая воля есть любовь до самого конца. Так говорит Сам Господь (ср. Ин 13, 1). Эта закваска воли совершенным образом соответствует Божьей воле, т. е. соответствует истине и любви, и она достигает вершины в Пасхальной тайне: в крестной смерти и воскресении Иисуса.

Папа здесь обращается больше всего к конституции II Ватиканского собора «*Gaudium et spes*». Два отрывка могут блестяще проиллюстрировать его мысль. Первый: «Просматривая страницы «*Gaudium et spes*», отмечаешь, как постоянно повторяются ключевые понятия: Крест, Воскресение, Пасхальная тайна. Все вместе они означают Искушение».

Второй отрывок: «Воскресение Христово подчеркивает тот факт, что только мера добра, данная Богом в истории посредством тайны Искупления, настолько велика, чтобы полностью соответствовать истине человеческого бытия». Из этого, как мне кажется, можно понять, почему и в каком смысле слово Искупление является ключевым словом всех размышлений Иоанна Павла II. Его первая программная энциклика начинается с многозначительных слов «Redemptor hominis». О своей первой энциклике Папа говорит в этой книге: «Все, что в ней содержится, я привез с собой из Польши». Это, можно сказать, *Сумма* его богословского и антропологического видения. Здесь видно, как в мысли Святого Отца богословие, христология и антропология сходятся воедино. Человек есть путь Церкви, говорит эта энциклика. Папа принимает антропологические изменения современной эпохи, но в христологическом ключе; это значит, что образцовым человеком, носителем побеждающего добра в истории, прогрессе и в необходимом изменении мира является Христос. Во Христе Бог и человек соединяются, и так рождается истинный гуманизм, настоящий антропологический переворот.

Для полного экзистенциального усвоения веры в искупление не хватает только одного шага. Иоанн Павел II обрел его во встрече с сестрой Фаустиной Ковальской, монахиней из Кракова, канонизированной им. Центром мистической жизни сестры Фаустины являлся опыт Божественного Милосердия. Слова «Божественное милосердие» являются для Па-

пы конкретным переводом слова Искупление. Переводом в экзистенциальный термин. Папа говорит: «Как будто Христос захотел явить нам предел, положенный злу, и пределом этим является Божественное милосердие». В этом контексте, «Бог всегда может извлечь добро из зла». Для Иоанна Павла II концепция искупления и Божественного милосердия составляют единую истину и поэтому его энциклики «Redemptor hominis» и «Dives in misericordia» нужно читать вместе. Сам Понтифик говорит об этом следующее: «Равно и размышления, заключающиеся в «Dives in misericordia», были плодом пастырского служения в Польше, особенно в Кракове». Экзистенциальная интерпретация концепции искупления нашла свою окончательную глубину в том способе, которым Иоанн Павел II подчеркнул, духовно ассимилировал и перевернул эпизод покушения и его физические и психологические последствия, так, что этот факт, сам по себе насильственный и горький, внутренне стал новым шагом в соизмерении души с волей Божьей. Ненависть побеждается любовью, при этом возникает новое измерение любви. Мы читаем об этом в следующем фрагменте книги: «Христос, страдая за всех нас, придал страданию новый смысл, вывел его в новое измерение, на новый уровень – уровень любви. [...] крестные муки Христа придают страданиям радикально новый смысл, преображая их изнутри. В человеческую историю, историю греха, вошло страдание без вины, принятое исключительно ради любви. И это страдание открывает

дверь надежде на освобождение [...]. Это страдание, которое сжигает и поглощает зло пламенем любви и даже из греха извлекает множество добра. Каждое человеческое страдание, каждая боль, каждая слабость хранит в себе обетование освобождения, обетование радости: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас», – пишет св. Павел (Кол 1, 24). Это относится к каждому порожденному злом страданию. Это относится к колоссальному социальному и политическому злу, сотрясающему и терзающему современный мир – злу войн, порабощения отдельных людей и целых народов, злу социальной несправедливости [...] злу насилия, терроризма, пыток и преступлений – все это страдание существует в мире также для того, чтобы пробудить в нас любовь, щедрый и бескорыстный дар собственного «я», в котором нуждаются те, кто испытывает страдания». В этих очень личных словах Иоанна Павла II доктрина искупления становится прожитой жизнью, совершается переход от зла к добру; здесь зло становится реальным инструментом добра. И все это без упрощения понятия зла, без сведения зла к неизбежному элементу диалектической структуры бытия.

И последнее наблюдение. В этой книге нельзя было не сказать о Богородице, центральной личности в духовной жизни Иоанна Павла II. Дева Мария появляется здесь в неожиданной перспективе, как хранительница памяти. А значит, Мать Господа обеспечивает идентичность Церкви, ибо каждое коллективное самоопределение предполагает общую па-

мять. Культурная, этико-религиозная и историческая память гарантирует и сохраняет ценности, которые определяют и составляют общину. Но вернемся к Деве Марии. На самом деле Евангелие от Луки описывает Марию прежде всего как личность, которая смогла сохранять, и, в каком-то смысле, «усваивать» память слов, фактов, начала жизни Иисуса (ср. Лк 2, 19.51). Память Марии представляется в Евангелии как источник памяти Церкви о начале нашего спасения. Отцы Церкви считали Деву Марию предвосхищением и представлением Матери Церкви, которая кроме отдельной памяти отдельных людей сохраняет экзистенциальную и фундаментальную память, на которой основывается общая вера. Папа справедливо связывает эту концепцию памяти с традицией, которая, как память Церкви, является, можно сказать, почвой, на которой выросла структура, и живым контекстом, в котором она воспринимается. Память Церкви представляет собой пространство, где сознание человечества расширяется и затрагивает наши корни, основы нашего бытия. Иоанн Павел II говорит: «Церковь хранит память истории человека с самого начала: память о его сотворении, призвании, возвышении и падении». Будем же возвращаться к этой цитате, в которой Папа видит вселенскую миссию Церкви, т. е. сохранение памяти о начале, общей памяти человечества, а не только Церкви.

Мне кажется, что в этой главе о памяти мы находим также ключ к верному толкованию глав о нации и патриотизме. Ос-

новная ценность отечества и нации состоит – согласно Папе – именно в том, что отечество и нация являются пространством памяти. Память прошлых поколений, их страдания и поражения, их успехи, опыт, приобретенный в различных исторических контекстах, основные жизненные ценности – эта память и создает общество, показывая людям пути жизни. Без памяти, без корней, не может жить ни общество, ни отдельный человек. Память дает нам корни, от которых мы получаем «смысл» жизни. Абстрактная цивилизация, основанная только на рациональной и контролируемой очевидности, не может выжить, потому что не имеет фундаментальных жизненных критериев. Ценности, которые не идут дальше простой рациональности, утрачиваются, и тогда человеком легко манипулировать. Там, где не знают своего прошлого, теряется и будущее, вследствие пустого настоящего. Поэтому нация как пространство памяти необходима для человека. Обращением к Богородице Иоанн Павел II подчеркивает миссию матерей хранить общую память: «...память является принадлежностью тайны женщины более, чем мужчины. Так происходит в жизни семьи, в истории племен и народов, и то же самое происходит в истории Церкви».

Отталкиваясь от концепции памяти, Святой Отец указывает антропологическое и философское место отечества и нации. Он подчеркивает это в понятии «родина». Папа напоминает, что концепция нации неоднозначна, что она может содержать очень разные модели. Остается очевидным, что

память отдельных народов должна открыться памяти других и что их встреча должна порождать постоянное очищение и взросление памяти, более глубокое укоренение памяти отдельных народов в общей памяти человечества, сохраненной прекрасным образом в памяти Церкви. Это взаимное очищение и объединение памяти станет силой мира и примирения человечества. Так мы возвращаемся к началу этого размышления: фундаментальная память, хранимая Церковью, подразумевает память Творца, Который создал бытие благим. Эту память потом дополняет другая, которая говорит: зло не происходит из сотворенного бытия как таковое, но рождается из запятнанной гордыней и эгоизмом воли многих людей. Наконец, память Церкви говорит нам, что сам Творец стал творением и поместил, таким образом, в «ткань» истории новую силу добра. Это новое присутствие Божественного блага в «ткани» истории воплощается в Божественном милосердии, которое преобразует насилие в любовь, ставя определенный предел злу и распахивая двери надежде. Эта память должна пронизывать и объединять всю память человечества, как индивидуальную, так и коллективную. Так мы обретем мир; так придет истинное искупление.

Предисловие к итальянскому изданию

XX век был свидетелем исторических событий, ставших причиной коренных изменений в политическом и социальном положении целых народов и повлиявших на судьбы отдельных людей. Шестьдесят лет назад закончилась война, которая была для мира в 1939–1945 годах трагедией уничтожения и смерти. В последующие годы мы столкнулись с распространением коммунистической диктатуры во многих странах Центральной и Восточной Европы и с проникновением марксистской идеологии в государства Европы, Африки, Латинской Америки и Азии. Кроме того, начало XXI века, увы, ознаменовано скорбной тенью терроризма мирового масштаба: разрушение башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке стало его наиболее красноречивым выражением. Можно ли не заметить в этих событиях действительно присутствия «*mysterium iniquitatis*» (тайны зла)?

Но рядом со злом всегда присутствовало добро. Диктатуры, воцарившиеся за «железным занавесом», не смогли задуть жажду свободы в поработанных ими народах. В Польше, несмотря на противодействие режима, родилось и окрепло движение, известное под названием «Солидарность». Это был сигнал пробуждения, эхом отразившийся

и в других странах. И пришел 1989 год, вошедший в историю как год падения Берлинской стены и совершившегося вскоре падения коммунистической диктатуры в европейских странах, где она господствовала на протяжении десятилетий. Двадцатый век был также веком обретения независимости народами, ранее находившимися под гнетом колониализма. Возникли новые государства, которые, несмотря на свое зависимое положение и оказываемое на них давление, могут иметь возможность самоопределения. Нужно упомянуть и факт формирования международных структур, которые после Второй мировой войны взяли на себя ответственность за обеспечение мира и безопасности народов, заботу о более справедливом распределении благ, защите прав человека и законных запросов разных социальных групп. Наконец, надлежит упомянуть возникновение и позднейшее расширение Европейского Союза.

Равно и в жизни Церкви происходили события, которые оставили глубокий след, наметив направления позитивных перемен, имеющих огромное значение для современности и, мы надеемся, для будущности Народа Божия. Среди этих событий в первую очередь следует назвать II Ватиканский собор (1962–1965) и разнообразные последовавшие за ним инициативы, а именно: литургическая реформа, экуменическая деятельность и межконфессиональный диалог. А можно ли недооценивать все блага духовного и церковного значения, которые родились во время торжеств Великого Юби-

лея 2000 года?

Папа Иоанн Павел II – особый свидетель этих событий. Он пережил исполненную драматизма и героизма историю своей страны, Польши, с которой неразрывно связан. В последние десятилетия он участвовал – сначала как священник, затем как епископ и, наконец, как Папа – во многих событиях европейской истории и всего мира. Эта книга представляет некоторые его свидетельства и размышления, созреавшие в нем при виде разнообразных форм зла, в отношении которого он никогда не утрачивал перспектив добра, убежденный в том, что победит добро. Рассматривая различные аспекты современной действительности в цикле «бесед на рубеже тысячелетий», Святой Отец размышляет над современностью в свете событий прошлого, в которых он старается найти корни всего происходящего сегодня в мире, чтобы дать современникам – как отдельным людям, так и целым народам – возможность пробудить в себе, посредством сосредоточенного обращения к «памяти», живое чувство собственной «идентичности».

Работая над этой книгой, Иоанн Павел II вернулся к важнейшим темам беседы, которая имела место в 1993 году в Кастель-Гандольфо. Два польских философа, Юзеф Тишнер и Кшиштоф Михальский, основатели Института наук о человеке (Institut für die Wissenschaften vom Menschen) в Вене, предложили ему критически проанализировать историю и философию двух диктатур, запятнавших двадцатое столе-

тие – нацизма и коммунизма. В ходе разговора велась запись. Однако, возвращаясь к вопросам, поднятым в этой беседе, Святой Отец счел необходимым расширение перспектив размышлений. Затем, исходя из упомянутых бесед, он дополнил свои мысли новыми деталями. Так возникла эта книга, касающаяся существенных проблем в судьбах человечества, делающего первые шаги в третьем тысячелетии.

При редактировании книги была сохранена форма журналистского интервью, чтобы читатель сознавал, что это не академический доклад, а дружеская беседа, из которой, несмотря на точную формулировку вопросов и полноту ответов, все же невозможно делать исчерпывающие выводы. Вопросы в их настоящем виде были добавлены редакцией. Это было сделано, чтобы читатель смог более точно понять ход мысли Святого Отца.

Мы желаем каждому, кто возьмет в руки эту книгу, найти в ней решение хотя бы некоторых из волнующих его вопросов.

Предел, положенный злу

1

Mysterium Iniquitatis

Сосуществование добра и зла

После падения двух могучих тоталитарных режимов – нацизма в Германии и коммунистического «реального социализма» Советского Союза, – которые тяготели над всем XX веком и на которых лежит ответственность за множество злодеяний, кажется, что пришло время задуматься над их происхождением, последствиями и особенно над их значением для истории человечества. Святой Отец, как следует понимать смысл этого огромного «взрыва» зла?

XX век был в определенном смысле ареной нарастания исторических и идеологических процессов, следовавших по направлению к огромному «взрыву» зла, но он был и ареной для их преодоления. Будет ли уместен взгляд на Европу исключительно с точки зрения зла, проявившегося в ее новейшей истории? Нет ли здесь какой-то односторонности? Новейшая история Европы, отмеченная – особенно на Западе – влиянием Просвещения, принесла и много хороших плодов. Это, в некоторой степени, соотносится с природой зла, как

его определяет, исходя из понимания св. Августина, св. Фома Аквинский. Зло всегда – отсутствие некоего добра, которое должно присутствовать в данном бытии, это всегда недостаток чего-то. Оно никогда не является абсолютным отсутствием добра. Каким образом зло растет и развивается на здоровой почве добра, это, в некоторой степени, тайна. Тайна в равной степени и добро, которое зло не сумело уничтожить, добро, укрепляющееся вопреки злу на той же почве. Вспоминается евангельская притча о пшенице и плевелах (ср. Мф 13, 24–30). Когда слуги спросили хозяина: «Если хочешь, мы пойдем и соберем плевелы?», – он ответил весьма знаменательным образом: «Нет, чтобы вы, собирая сорную траву, не вырвали с ними вместе и пшеницу. Позвольте им расти до жатвы; а во время жатвы я скажу жнущим: «Сперва соберите сорную траву и свяжите в снопы, чтобы сжечь ее; а пшеницу свезите в мои хранилища» (Мф 13, 29–30). Здесь упоминание о жатве соотносится с последним периодом истории, с эсхатологией.

Можно сказать, что эта притча – ключ к пониманию всей человеческой истории. В разные эпохи и в разных значениях «пшеница» растет вместе с «плевелами», а «плевелы» – вместе с пшеницей. История человечества – это арена сосуществования добра и зла. Это значит, что зло существует рядом с добром; но это значит и то, что добро находится рядом со злом, возрастая будто бы на том же основании человеческой природы. Природа не была уничтожена, она не стала совер-

шенно плохой, несмотря на первородный грех. Она сохранила склонность и способность к добру, подтверждение чему мы видим в различных исторических эпохах.

2

Идеологии зла

Откуда в таком случае взялись идеологии зла? Каковы корни нацизма и коммунизма? Как произошло падение этих режимов?

Все эти вопросы имеют глубокий философский и богословский смысл. Необходимо осуществить реконструкцию «философии зла» в ее европейском (и не только) масштабе. И эта реконструкция выводит нас из сферы идеологии. Она заставляет нас войти в мир веры. Необходимо прикоснуться к тайне Бога и творения, особенно к тайне человека. К тем тайнам, которые я старался выразить с помощью слов в первые годы моего служения на престоле св. Петра в энцикликах «Redemptor hominis», «Dives in misericordia», «Dominum et vivificantem». По сути весь этот триптих соответствует тринитарной тайне Бога. Все, что содержится в энциклике «Redemptor hominis», я принес с собой из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.